

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Материалы Всероссийской научной конференции,
проведенной в рамках выполнения ФЦП
«Формирование установок толерантного сознания
и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)»
14–15 июня 2002, Томск

2-030749

Томск – 2002

УДК 1(082)
ББК 87.3
И 905

Исторические корни российской ментальности: Материалы Всероссийской научной конференции, Томск, 14–15 июня 2002 г. – Томск: Изд-во НТЛ, 2002. – 348 с.

Сборник содержит материалы Всероссийской научной конференции и ориентирован на раскрытие условий и разработку методов, позволяющих диагностировать в обществе состояние национальной, групповой, конфессиональной, политической и т.п. напряженности. Авторы стремятся выявить характер и формы проявления социальной напряженности в российском обществе в контексте исторических корней российской ментальности.

Результаты могут иметь значение для разработки проблем социального конфликта, национальной и межконфессиональной политики в регионах и для использования в педагогической практике современного открытого образования.

Редакционная коллегия

Г.И. Петрова, доктор философских наук (отв. редактор)

В.Н. Стегний, доктор биологических наук

М.П. Завьялова, доктор философских наук

О.Г. Мазаева, кандидат философских наук

Редактор *Н.И. Шидловская*
Верстка *Л.В. Пермякова*

Налоговая льгота по К-ОКП ОК-005-93, код продукции 953110

Изд. лиц. ИД № 04000 от 12.02.02. Подписано к печати 20.09.02.
Формат 60×84¹/₁₆. Печать офсетная. Гарнитура "Times". Бумага писчая.
Усл. печ. л. 20,23. Уч.-изд. л. 22,66. Тираж 500 экз. Заказ .

ЗАО "Издательство научно-технической литературы"
634050, г.Томск, пр. Ленина, 34а, тел. (382-2) 53-33-35

ОГУП «Асиновская типография», г. Асино, ул. Проектная, 22

ISBN 5-89503-152-8

© Томский госуниверситет, 2002

Великий поклон нашим философам, которые пытались создавать социальные проекты и считали, что «любовь – это онтологическое понятие, благодатная, единая сила бытия, сила, открывающая другого, уводящая от власти и насилия по отношению к нему. Закрытость же от другого русская философская мысль всегда рассматривала как грех, ибо (вновь скажем современным языком) нарушала коммуникацию. Однако если какую-то коммуникацию русская философия и описала и предложила, то это – коммуникация с Богом, опознание истины как христианской Троицы, коммуникация конечного с бесконечным Духом.

Принцип рациональности (в ее любом варианте) в такой коммуникации невозможен, ибо он претендует на организацию трансцендентного, надсоциального и надындивидуального, божественного и космического. На это русская философия и не высказывала никаких претензий. Разуму такая организация недоступна. И она пригласила веру. Но это уже иное – и не коммуникация, и не рациональность, и не толерантность.

Можно было бы развить мысль о том, что взамен коммуникации и толерантности предложила отечественная философско-религиозная мысль. Духовность, любовь, ревность, дружбу, греховность, покаяние? Вопрос же остается: если Россия не имела толерантных начал социальности, более того, если мы их рассматривали как неподлинные для организация бытия, то каким образом сегодня создать для них почву? И возможно ли?

Литература

1. К а в е л и н К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Наш умственный строй. – М., 1989. – С.12.
2. Х а б е р м а с Ю. Демократия, разум, нравственность. – М., 1995.
3. Ф а х р у т д и н о в а А. З. Рациональность в социальном познании и управлении. – Новосибирск, 2002.
4. Ф л о р е н с к и й П. А. Столп и утверждение истины. – М., 1990.

ПРОБЛЕМА ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

В.В. Чешев (г. Томск, ТГАСУ)

Одной из причин обращения к проблеме общечеловеческой солидарности является нарастающий процесс глобализации. Глобализация есть по своей сути процесс объединения человечества, совершающийся в масштабах всего земного шара. Принципы глобализации могли быть различными, но сегодня этот процесс совершается как расширяющееся доминирование западной цивилизации. Между тем проблема объединения человечества была одной из

любимых тем русской философии и русской культуры. Можно считать, что она была по-своему продолжена в идеологии советского периода, представлявшей собой, как полагал Н.А. Бердяев, неустойчивый гибрид из западной идеи научного социализма, явившегося протестом против капитализма, с русским поиском социальной справедливости и правды для всех, прежде всего обиженных и угнетенных. Марксизм, пронизанный европейской прогрессистской ментальностью, мог быть и был идеологией, способной лишь внешним образом давать идеологическое прикрытие периоду мобилизационного развития. Историческую перспективу советской России, а потенциал развития был в ней огромен, могла дать идеология, пронизанная глубинными генотипическими мотивациями русской культуры. По этой причине обращение к корням русской ментальности, хотя и запоздалое, остается крайне актуальным.

Сегодня глобализация, как процесс объединения человечества, совершается не добровольно, не как всечеловеческое единство, он совершается принудительно. Возникает вопрос, могли ли русская культура и опыт общественной жизни России предложить альтернативный путь объединения человечества? На фоне тотального разрушения, охватившего Россию и все территории и народы бывшего СССР, этот вопрос может показаться праздным. Однако сценарий объединения человечества, контуры которого явственно очертились после распада Союза, будет наталкиваться на серьезные препятствия. Поэтому размышления об альтернативном пути глобализации избежать невозможно и вопрос о том, могла ли русская культура и русская история дать альтернативную модель объединенного человечества остается актуальным. Под этим углом зрения необходимо сегодня обратиться к генотипическим чертам русской культуры.

В свое время Н.Я. Данилевский заявил о различии культурных типов России и Европы. Тема типологических культурных различий и локальных цивилизаций была продолжена А. Тойнби и О. Шпенглером, хотя сегодня в контексте глобализации она не популярна. Основанием для различения культурно-исторических типов являются, на мой взгляд, разные антропологические модели, нашедшие, в частности, фактическое воплощение в культурах России и Европы. Эти антропологические признаки могут быть выражены разными терминами, но суть дела – в различии культурных типов, основанных либо на концепции человеческой (общечеловеческой) солидарности, либо на концепции индивидуализма. Для выражения этой идеи младшие славянофилы пользовались термином «соборность», в советский период отдавалось предпочтение грубоватому термину «коллективизм», я же предпочитаю говорить о концепции солидарного человека в противоположность концепции атомарного (свободного) индивида, предложенной европейским веком Просвещения. Здесь не идет речь об оценочных суждениях, они, в

конечном счете, выносятся историей, в которой живет тот или иной культурный тип. Свою задачу я вижу в освещении того понимания концепции солидарного человека, которое, на мой взгляд, характерно для культурного типа нашей северной цивилизации.

Прежде всего, о самом понимании солидаризма. Криминальная группа, защищающая свой корпоративный интерес, конечно, может быть солидарной в смысле сплоченности и взаимодействия при защите этого интереса. Однако когда речь идет об общечеловеческой солидарности, то имеется в виду сплоченность во имя защиты не узко корпоративного, а общечеловеческого интереса. Этот интерес лучше всего сформулировал Н.Ф. Федоров и поддержавший его В.С. Соловьев. По Соловьеву, общечеловеческая солидарность состоит в нравственном требовании делания Добра. Само же делание Добра есть сохранение жизни живущим и возвращение ее умершим, на чем настаивал Н. Федоров. Мы не будем здесь обсуждать спорную идею Н.Ф. Федорова о возможности преодоления смерти, о телесном воскрешении и возвращении жизни умершим. Ограничимся тем, что общечеловеческая солидарность есть, по сути, солидарность в деле сохранения жизни всем живущим, основанная на сострадании и взаимопомощи всех живущих и на превращении жизни в высшую ценность. Высшим проявлением этой солидарности является пример основателя христианской веры, который учил на тайной вечере, что нет больше той любви, как если кто отдаст жизнь свою за друзей своих. Жертвенная любовь к ближнему – вот высшее проявление этики солидарности, добавим, что ближний здесь всякий человек: от белого европейца до черного африканца. Этой этикой пронизано христианское учение, для которого нет ни эллина, ни иудея. Проявлением этой этики является также идея социальной справедливости и социальной правды, поиск которой столь характерен для русской истории.

Часто полагают, что солидаристская этика привнесена в Россию христианством. На мой взгляд, такой подход несколько упрощает исследование генетических истоков русской культуры, поскольку эта этика сформировалась еще в языческой Руси. Она отражена в мифологии, сказках, преданиях, наконец, в русском эпосе. В чем она здесь проявлялась? Я бы сказал все в том же, в этике спасения и продления жизни. Одной из конкретных форм проявления этого начала в мироощущении языческой Руси является культ земли-родительницы, культ крестьянского труда и, что весьма важно, ощущение трогательного единства с природой, дающей жизнь, ибо в мифологическом сознании едва ли иначе можно было зафиксировать живительные начала делания Добра. Нигде и никогда природа не враг человеку, более того, человек и природа живут одной жизнью, поддерживают друг друга. В

наших сказках это трогательное единство могло быть выражено тем, что какой-нибудь Иванушка спасает маленького муравьишку и полчища муравьев приходят к нему на помощь в трудный момент.

В.С. Соловьев не без основания полагал, что солидаристские отношения присущи человеческому сообществу по самой его природе. Тем не менее уместен вопрос, каковы корни и каковы причины солидаристских отношений в русской культуре? Основания могут быть различными, укажу на одно из них. Геоклиматические условия хозяйствования на Руси не позволяли жить в условиях индивидуальной конкуренции и выживания сильного. Россия – северная цивилизация, хотя все особенности жизни России нельзя списать на эти обстоятельства, но игнорировать их невозможно. Способ ведения хозяйства и генотипические основания культуры связаны во всех культурах, и эта связь стала разрушаться только в эпоху модерна, когда капиталистическое ведение хозяйства, это сугубо европейское изобретение, стало внедряться по всему миру.

Культурный генотип проявляет себя, в частности, в отношении человека к труду. Для России как северной цивилизации характерным является здесь мобилизационный характер труда, когда в короткий сезон совершается, можно сказать, годовая работа. За ним следует неизбежный и необходимый период относительного расслабления. Это обстоятельство позволяет иногда говорить о лени и неорганизованности русского работника, хотя этот период расслабления далеко не абсолютный. Это не безделье, хотя и такое могло быть, но период относительного отдыха, когда нет необходимости в аврале, диктуемого природой. Кроме того, мобилизационная фаза протекает по преимуществу в формах коллективного труда. Эти признаки начинают входить в культурный генотип, и они отражены, например, А.Н. Толстым в сценах крестьянского труда.

Жизнь в условиях северной цивилизации является одним из оснований объединительной этики. Замечу также, что это северное хозяйствование не оставляет места гедонизму и индивидуализму, которые шагают рядом друг с другом. Уместен вопрос, могла ли в русской истории возникнуть этика гедонизма? Замечу, что стремление к удовольствиям само по себе еще не есть этика гедонизма. Она появляется тогда, когда удовольствие объявляется смыслом жизни. Ответ на поставленный вопрос, на мой взгляд, безусловно, отрицательный. Для этики гедонизма общество должно иметь избыточный продукт, на который живет социальная группа, способная предаваться удовольствию и объявить наслаждение смыслом жизни. В русской общине, в русской семье каждый дополнительный рот – проблема, каждый дополнительный работник – спасение. Могу сказать определенно: наша северная цивилизация не могла формироваться на основе индивидуализма и индивидуальной конкуренции. Вообще есть некоторое чудо, что эта цивилизация

была выстроена трудом многих поколений. Однако северная природа поздно цветет, она ранима и ее раны трудно заживают.

Возникает вопрос, что же, этика солидаризма – исключительно русское явление и ее нет в других культурах? Ответ, безусловно, отрицательный. Скорее, наоборот, этика солидаризма составляет и должна составлять суть человеческих взаимоотношений. Эта мысль скрыта в словах апостола, что душа человека по природе своей христианка и стремится творить добро. Как уже отмечалось, В.С. Соловьев полагал, что человечество по природе своей солидарно, требуется лишь осознание этой солидарности: «Мировая задача состоит не в создании солидарности между каждым и всеми – она уже и так существует по природе вещей, а в полном сознании и затем духовном усвоении этой солидарности со стороны всех и каждого» [1. 284].

Главная особенность русской истории в контексте рассматриваемого вопроса заключается, на мой взгляд, в том, что этика солидаризма была поднята в ней до уровня цивилизации, т.е. до уровня цивилизационного строительства. В родовом обществе она реализуется на уровне племени и рода. Русская история сделала ее не только основанием цивилизационного процесса, но предложила как основание общественного устройства и даже миропорядка, она придала всечеловеческое содержание принципам солидаристских отношений, предложила альтернативную западной модель исторического будущего. В этом, собственно, суть русской идеи и русского мессианства. Кризис и крах России сегодняшнего дня не только наша потеря, эта потеря глобального масштаба. Ничего удивительного, что с падением «империи зла», как назвал нас известный американский политик, мир стал более неустойчивым, более жестоким, в нем все меньше добра и все больше насилия.

Всякая этика базируется на антропологической модели, осмысление которой является задачей философии. Философия участвует в культурно-историческом процессе тем, что рационализирует основные смысловые единицы сознания общества. Антропология, формировавшаяся в русской философии, являлась антропологией солидарного человека, и вырастала она по преимуществу на религиозно-православном основании. Славянофилы, явившие первый опыт национального самосознания, фиксировали именно эти типические черты русской культуры и русской истории. Напротив, западная философия явилась выражением умозрения и мирочувствования культуры индивидуализма. Здесь нет необходимости сопоставлять достоинства и недостатки того или иного культурного типа, тем более, утверждать превосходство одного над другим. Оценки ставит сама история, однако, как нам представляется, индивидуализм, доведенный до принципа индивидуальной конкуренции, не может быть исторической перспективой развития человечества. Напротив, он может открыть перспективу насилия меньшинства над

2-030749

большинством. Замечу также, что антропология, основанная на философском трансцендентализме, в современных условиях предстает как форма бегства от жизни, от ее проблем и, одновременно, как форма поддержания концепции атомарного индивида, поскольку трансцендентальный человек, по определению, солидарным быть не может. Отсюда его проблема поиска оснований диалога, обращение к Другому, проблема узнавания себя в другом и другого в себе на трансцендентальной основе и т.п.

Итак, мой основной тезис в том, что культурный генотип России находит свое выражение в этике общечеловеческой солидарности; в этом, собственно, суть русской идеи и суть русского мессианства, воплощенного в строительстве русской цивилизации. Правда, западные мыслители часто ставили под сомнение существование русской цивилизации. Например, Ж.Ж. Руссо, полагал, что Петр I сделал слишком поспешную попытку цивилизовать Россию и этим только испортил дело; а О. Шпенглер считал, что развитие России есть псевдоморфизм, т.е. заимствование чужих форм истории. Доля истины в этом есть, тем не менее, в области социального устройства и развития индустриальной экономики в XX в. Россия впервые вышла на уровень сверхдержавы, причем принципиально важно, что индустриализация была осуществлена внутренними силами и, несмотря на крайности политического режима, при опоре на традиционные солидаристские ценности русской культуры.

Другого примера попытки выстраивания цивилизации на этике общечеловеческой солидарности мы, видимо, в истории не найдем. Восток, в отличие от Запада, полагается на некоторый тип сплоченности, даже можно сказать солидаризма. Но для Востока характерен в большей степени солидаризм клановый, а не общечеловеческий. Примирительная роль России между Востоком и Западом была достаточно очевидной. Мы, действительно, – не Восток и не Запад, мы были третьей культурной, политической и исторической силой в мире. Ее исчезновение делает неизбежным культурное и политическое противостояние Востока, где на первую роль выдвигается Китай, и Запада, возглавляемого Америкой. Не исключено, что мрачным пророчествам В.С. Соловьева придется сбыться.

Последний вопрос, которого следует коснуться. Можно ли видеть в этике общечеловеческой солидарности проявление толерантности? Казалось бы, веротерпимость и способность к совместному проживанию со многими народами есть признак толерантности русской истории. Однако, на мой взгляд, этика солидаризма и то, что называется толерантностью, не совпадают друг с другом. Толерантность предстает скорее как идеологическая категория западной цивилизации, толерантным сознанием должны проникаться народы, втягиваемые в орбиту нового мирового порядка, причем они должны быть толерантны, прежде всего, к западной цивилизации. Сама же западная цивили-

лизация не склонна вести диалог с представителями тех культур, которые критически настроены к Западу, полагая, что этот критицизм есть следствие незрелости и неразвитости. Кроме того, с этической точки зрения понятие толерантности не предполагает ясного разграничения Добра и Зла. Между тем этика человеческой солидарности предполагает ясное разграничение этих категорий. Но в положительной своей части она строится не на агрессии, но на жертвенной любви, пример которой дает жизнь и смерть основателя христианства. Поэтому можно заключить, что только этика человеческой солидарности, присущая, в частности, русской культуре, способна стать основой глобализации, принимающей характер братства народов, а не эгоистического торжества меньшинства над большинством.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Е.С. Кирсанова (г. Северск, СГТИ)

Поляризация общественно-политических сил в современной России актуализирует забытые драматические коллизии в российском общественном сознании прошлого века, когда спор между радикальными либералами – сторонниками быстрых общественных преобразований по западному образцу – и ретроградами, выступавшими за незыблемость российских общественных институтов, так и не привел к рождению компромиссной идеологии «золотой середины».

Известно, что на Западе началом, примиряющим политические крайности, стала идеология консервативного либерализма. Органически сочетая признание необходимости совершенствования общественных институтов с идеей пресмысленности новых общественно-политических форм по отношению к национальным традициям, эта идеология явилась антитезой и ретроградному охранительству, и радикальным леволиберальным и социалистическим планам социальных реформ «по законам разума». Исповедуя принцип Э. Берка «не прерывать, а улучшать то, что было», консервативный либерализм уже во второй половине XIX в. пригласил идейные источники политических раздоров в западных странах, а в XX в. стал толерантной «идеологией большинства», обеспечивающей мирное развитие общественно-политических институтов Запада.

Различия между консервативной и леволиберальной точками зрения на многие из конкретных политических вопросов (отношение к революции, государству, национальной специфике, семье и т.д.) достаточно хорошо освещены в исторической и политологической литературе. В меньшей степени

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Раздел I. РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ ИДЕИ ТОЛЕРАНТНОСТИ.....	5
Понятие и генезис толерантности. Была ли Россия толерантной? <i>Г.И. Петрова</i>	5
Проблема общечеловеческой солидарности в русской культуре <i>В.В. Чешев</i>	12
Проблема формирования толерантного политического сознания и русская историография второй половины XIX – начала XX в. <i>Е.С. Кирсанова</i>	18
Толерантность как зло <i>Ф.А. Селиванов</i>	24
Этическая рациональность как основа функционирования гражданского общества <i>Н.А. Чепрасова</i>	26
Место продуктивной толерантности в системе социального конструирования <i>Э.А. Соснин, Б.Н. Пойзнер</i>	30
Русский соблазн исправления мира и границы толерантности <i>Б.Н. Пойзнер, Э.А. Соснин</i>	35
Философия в России и российская ментальность <i>Г.А. Антипов</i>	41
Мифотворчество как неотъемлемая черта российской ментальности <i>О.И. Жукова</i>	45
От традиции – к закону: феномен соборности в судьбе России <i>С.Б. Максюкова</i>	49
Отношение к природе как важный фактор российской ментальности и толерантного сознания <i>А.М. Адаменко</i>	53
Автономная теория национальных ценностей как предпосылка толерантного сознания <i>И.В. Аксенов</i>	58
Русская идея: диалог или конфликт? <i>И.В. Богданов</i>	62
Диалектика отчуждения российской ментальности <i>А.Б. Мурашов</i>	65

Толерантность как установка сознания <i>А.С. Ильин</i>	70
О Единственном, о Любви к Единственному, и о нашем Мире, лишенном всего этого <i>А.В. Кривошеев</i>	71
Проблема толерантности и мифика поколенческих субкультур в контексте открытого образования <i>Ю.С. Осаченко</i>	74
Смысловая основа толерантности культурного мира человека <i>Н.П. Чупахин</i>	77
Идея толерантности в философии языка <i>В.А. Ладов</i>	79
Любовь как основа толерантности в культуре современной России <i>И.А. Новиков</i>	83
Проблема толерантной ментальности в ситуации цивилизационного сдвига <i>С.А. Смирнов</i>	88
М. Уолцер о методах исследования толерантных режимов: процедурный или исторический и контекстуальный подходы? <i>В.С. Шутов</i>	93
Эстетические проблемы толерантности <i>Е.А. Найман</i>	98
Толерантность как предмет социологического анализа (на примере исследования студентов ТГУ) <i>Н.В. Форрат</i>	103
Толерантность как эпистемологическая проблема <i>Е.В. Зинченко</i>	107
Раздел II. ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ И МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ КОРНИ МЕНТАЛЬНОСТИ	115
О формообразующих началах в пределах российской ментальности и культуры <i>Е.И. Кириленко, О.Г. Мазаева</i>	115
Методологические особенности изучения проявления социальной напряженности в российском обществе <i>Ю.А. Кондинская</i>	120
Старообрядчество в творчестве русских мыслителей <i>А. Ширишов</i>	124

Маргиналии душевной жизни в русском менталитете <i>Р.В. Шамолин</i>	128
К проблеме генезиса русской философии <i>М.В. Хлебников</i>	136
Иван-Дурак как феномен русской национальной культуры <i>Л.Д. Волкова</i>	140
Выражение русской ментальности в культуре праздника <i>М.А. Слюсаренко</i>	145
Русский космизм в XX веке: принципы, тенденции, перспективы <i>А.Д. Московченко</i>	153
Л.П. Карсавин и исследовательская традиция школы «Анналов» <i>Т.Н. Стуканов</i>	157
Отражение русской ментальности в предреволюционной музыкальной культуре России <i>М.В. Сайфуллина</i>	160
Б.Н. Чичерин об особенностях русского менталитета <i>Г.С. Криницкая</i>	165
Ментальность: случайная тема или поворот лицом к теме? <i>Е.Н. Мостовой</i>	169
Консерватизм в российском менталитете <i>С.Н. Архипов</i>	172
Бессознательное как фактор российской ментальности <i>М.В. Крыгина</i>	176
Разность западной и российской ментальностей на примере психологических практик <i>И.Б. Ардашкин</i>	181
Раздел III. РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ: ХАРАКТЕР И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ	186
Проблема толерантности и консервативная мысль в России <i>С.А. Шпагин</i>	186
Эффект привыкания как фактор, сдерживающий рост социальной напряженности <i>М.О. Абрамова</i>	191
Влияние диалогичности мусульманского типа мышления на российский менталитет <i>С.Р. Вяхирева</i>	196
Особенности менталитета российской революционной интеллигенции конца XIX – начала XX в. <i>Е.А. Мартынов</i>	206

Национальные черты российской ментальности и особенности электрального процесса <i>В. Конаков</i>	210
Антропологические истоки экстремистских мировоззрений <i>В.И. Красиков</i>	213
Морализаторство как вид духовной нетерпимости <i>В.Ш. Сабиров, О.С. Соина</i>	219
Феномен политического насилия: теоретико-методологический анализ <i>С.З. Канаев</i>	223
Русский национальный характер: между духовностью и нигилизмом <i>В.Е. Буденкова, О.В. Мошкина</i>	230
Пролетарское мессианство и новый опыт реформирования России как обнажение принципов русскости <i>Л.С. Сысоева</i>	234
Насилие как социальное явление: генезис и эволюция <i>С.З. Канаев</i>	239
Русские религиозные мыслители о деструктивном воздействии обмана <i>Е.Н. Маркина</i>	248
Стратегия толерантности и субъект речевой культуры <i>В.В. Петренко</i>	251
Проблема intersубъективности в классическом философском дискурсе <i>И.А. Эннс</i>	256
Модель коммуникативной рациональности и проблема общественного согласия <i>А.З. Фахрутдинова</i>	264
Кризис русской ментальности <i>В.Н. Турченко</i>	268
Музыка как способ снятия социальной напряженности бытия <i>Н.Б. Нечаева</i>	271
Соблазны русской интеллигенции в менталитете России <i>Р.И. Александрова, Е.В. Мочалов</i>	275
Опыт социальной демонологии в творчестве Д.С. Мережковского <i>В.Н. Тараскина</i>	279
Фактор внешней угрозы как стимул консолидации общества (на примере Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) <i>В.А. Сомов</i>	285

Раздел IV. МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ.....	289
Дуализм церкви и государства как условие социальной толерантности <i>Е.Г. Аванесова</i>	289
Христианство как программа переоценки ценностей <i>С.С. Аванесов</i>	293
Религиозные основы российского менталитета <i>Т.А. Чухно</i>	295
К вопросу о значении роста межэтнического напряжения на постсоветском пространстве <i>С.Б. Куликов</i>	300
Религиозное сознание русского народа в контексте социальных конфликтов <i>Т.Е. Зинченко</i>	304
Русская религиозная этика и биоэтика: схождения и расхождения <i>Е.А. Русакова</i>	307
Идея толерантности в контексте ранневизантийской проблематики отношений философии и религии <i>М.Ю. Грыжанкова</i>	310
Раздел V. ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ОТНОШЕНИИ ОПЫТА СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ	314
Константин Петрович Ярошевский. Жизнь и судьба <i>А.К. Сухотин</i>	314
Марксизм и постмарксизм в вузе: к проблеме традиционной и инновационной дидактики <i>Ю.С. Плотников</i>	319
Вероятностный сценарий модернизации Сибири в первой четверти XXI века <i>Л.Г. Олех</i>	331
Константин Петрович Ярошевский <i>Ф.А. Селиванов</i>	336
К.П. Ярошевский как учитель и друг <i>В.Г. Томилов</i>	339